

АВТОРСКИЕ ПРАВА © 1999

Патриция Уилсон
ЗАГОВОР СЕРДЕЦ

Patricia Wilson A SECRET UNDERSTANDING



Патриция Уилсон

Заговор сердец

1989

Уилсон П.

Заговор сердец / П. Уилсон — 1989

Молодая журналистка Кассандра Престон в отчаянии: новый главный редактор провинциальной газеты, в которой она работает, определенно ее невзлюбил и измучил бесконечными придирками. Однако в один прекрасный день этот самый человек, Джордан Рис, предлагает ей фиктивную помолвку. Почему же он это сделал?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Заговор сердец

Глава 1

– Пора начинать утреннее совещание, Кэсси.

Гай Мередит бросил взгляд на Кэсси и печально улыбнулся. Он знал, так же, впрочем, как и она, что это неизбежно, но он знал и другое: сейчас ей очень не хочется входить в кабинет главного редактора.

– Давай пойду я, только придумай какую-нибудь уважительную причину, предложил он, но Кэсси покачала головой и стала методично собирать фотографии и заметки. Она не может не пойти, однако это вовсе не означает, что нужно нестись сломя голову.

– Нет, Гай, это мое дело. Хозяин ждет, так что пойду я. Отыщи фотографию общинных земель, ту, что Патрик сделал весной. Мы начнем работать над этим материалом, как только я вернусь.

Начальники других отделов были уже в кабинете главного, но Кэсси умышленно не торопилась. У нее сложилось твердое убеждение, что Джордан Рис каждое утро проверял, в котором часу она пришла на работу, да и вообще видеть его было крайне неприятно. Просто в голове не укладывается, что один человек способен так все изменить. Первое время казалось, что каждый сотрудник газеты «Брэдбери хералд» готов взбунтоваться против любых его нововведений, однако сейчас эти же люди выглядели вполне умиротворенными и довольными. Только Кассандра Престон ни за что ни про что впала в немилость!

Кэсси уже довольно давно работала в прессе, начав свою журналистскую карьеру в так называемой Газетной группе Риса. Пришла она туда прямо с университетской скамьи. Хэролд Рис был замечательный человек. Он очень помог ей, поддерживая все ее начинания и внушая ей уверенность в себе. В двадцать пять она стала редактором отдела сенсационных новостей, причем прекрасным, инициативным редактором, снискавшим популярность у городских читателей, и за годы работы завела множество полезных контактов. Она всей душой любила журналистику, и голова ее вечно была полна новых увлекательных идей. Когда Хэролд Рис ушел на покой и его место занял сын, Кэсси оказалась буквально на грани нервного срыва.

Джордан Рис ничем не походил на своего отца. С первого же взгляда на него становилось ясно, этот человек не пойдет проторенным путем, просто продолжая семейную традицию. Он уже сделал себе имя, и никто не сомневался, что долго он тут не задержится. Ведь для телевизионного журналиста, работавшего за границей, сидеть в Брэдбери – смертная скука. Наверняка Группа Риса очень скоро назначит сюда нового главного редактора, а Джордан Рис вновь отправится за океан и будет слать телерепортажи из какой-нибудь горячей точки земного шара. Впрочем, пока он находился здесь, и Кэсси поневоле ежедневно с ним встречалась.

Она подошла к его кабинету, все-таки умудрившись чуточку опоздать, и он снова поймал ее на этом.

– Мисс Престон!

Джордан Рис всего-навсего назвал ее имя, а у нее уже дрожат колени. Как ему это удастся? Он ведь отнюдь не рассержен! Этот человек вообще никогда не выходил из себя. Но уже в самом его голосе чувствовалась некая затаенная угроза, даже когда он просто давал ей какое-нибудь поручение. Сейчас, стоя в дверях своего кабинета, он казался слишком большим и для этого помещения, и для той работы, которую временно здесь исполнял. – Сообщите, когда будете готовы, если это вас не затруднит, – сказал он без улыбки.

На телеэкране он всегда выглядел таким красивым, таким уверенным в себе, и девушки в журналистском колледже считали его просто неотразимым. Некоторые прямо-таки гонялись

за его книгами – не столько ради того, чтобы прочитать о волнующих и зачастую трагических событиях, сколько ради его фотографии на обложке.

Сама Кэсси тоже читала его книги, и временами у нее мелькала мысль, что Джордан Рис, пожалуй, человек несчастливый. Может, дело вовсе и не в том, что ему доставляет радость при всяком удобном случае выискивать у нее промахи? Другим-то, как правило, удавалось избегать его недовольства. И обращался он к ним запросто, по именам. Только ее называл не иначе как «мисс Престон»! Даже во сне она слышала его суровый голос, видела светлые, как серебристые льдинки, глаза. Он отравлял ей всю жизнь. И в дверях он стоял, несомненно, для того, чтобы перед совещанием испортить ей настроение. Она знала, что почему-то не вызывает у него симпатии, и, скорее всего, виновата в этом ее внешность. У Кэсси были решительные, искристо-карие глаза, опущенные густыми темными ресницами. Губы ее часто трогала улыбка, а в дерзком лице явно читалось нечто бунтарское. Может, именно это и не нравилось Джордану Рису? Может, он чувствовал, что не дождется от нее рабской покорности? Вдобавок он не одобрял ее манеру одеваться. Окинув быстрым недовольным взглядом короткую юбку и длинные ноги и прочтя в глазах Кэсси откровенный вызов, он посторонился и жестом пригласил ее войти.

Раньше этот кабинет принадлежал его отцу, и теперь, бывая здесь, она всякий раз оглядывала его с чувством обиды и негодования. Комната утратила свой прежний безалаберный уют. Джордан Рис переделал все по-своему. Не кабинет, а какая-то больничная палата или приемная дантиста! Кругом стерильная чистота и порядок. На полках сплошь торговые журналы и правительственные бюллетени – ничего лишнего. Растения на окнах – свежие, ярко-зеленые, не чета запыленным сухим былинкам, которые его отец вечно забывал поливать.

Картины из рыбацкой жизни тоже исчезли, и об этом она жалела больше всего. Хэролд Рис был заядлым рыболовом, настоящим фанатиком. Нередко он сидел, откинувшись на спинку стула, и мыслями уносился в мир сверкающей на солнце воды и стремительной форели; в такие мгновения он напрочь забывал о делах, но тем не менее работа шла своим чередом; и все были довольны. Все умудрялись и теперь быть довольными, все – только не она! Кэсси тряхнула головой, откидывая назад свои длинные, отливающие рыжиной локоны. Ну что ж, в крайнем случае всегда можно уйти в другую газету.

– Итак, начнем!

Джордан Рис посмотрел на часы, потом – многозначительно – на Кэсси, которая спокойно и прямо встретила его взгляд. Недалек тот день, когда она просто встанет и уйдет, не дожидаясь, пока он закончит свою тираду! Кэсси вопросительно приподняла брови, но Рис, насупившись, прошагал к своему месту и сел так, что стул угрожающе накренился назад – вот-вот упадет. Секунду-другую он продолжал сверлить ее глазами, отчего все присутствующие почувствовали себя неуютно, а Кэсси, чтобы не дать угаснуть боевому пылу, постаралась думать о другом. Каждый рабочий день превращался в сплошной поединок.

– Может быть, начнем с вас, мисс Престон? – холодно обратился к ней он. – Как обстоит дело насчет больницы?

– Идет своим чередом, – ответила Кэсси. «Дело» представляло собой самую настоящую широкую кампанию по борьбе за права. – Представители местного здравоохранения написали вчера жалобу по поводу статьи, опубликованной нами на прошлой неделе, и события продолжают развиваться. Они признают, что безобразия в гинекологическом отделении действительно имеют место, но считают, что нас это не касается!

– Покажите мне письмо.

Кэсси протянула ему конверт: она так и думала, что он попросит показать письмо, потому и взяла его с собой. Если он сейчас скажет, что надо бросить эту затею, она уйдет из газеты. Рис быстро пробежал глазами текст.

– Можете ответить сами, – пробормотал он. – Перо-то у вас ядовитое.

Вон как они взвились!

Кэсси облегченно вздохнула и в то же время разозлилась. Ядовитое перо? Надо же, и тут выставил ее этакой вредной старой девой, которая только и знает, что строчить ядовитые послания!

– Что-нибудь новое есть? – коротко спросил Рис. Кэсси с вызовом смотрела ему в глаза, а он по-прежнему балансировал на стуле. Как бы ей хотелось, чтобы этот стул опрокинулся. Ну еще, еще чуть-чуть!

– Несколько дней назад я краем уха услышала кое-какие новости, а сегодня утром в Совете мне подтвердили. Вам, вероятно, известно, что наш маленький сосед, община Райзуэлл, проводит большинство своих дел через Совет Брэдбери?

Он кивнул, серьезно глядя на нее и не говоря ни слова.

– Ну так вот, они платят Совету, не получая от него в полной мере причитающихся им услуг, и похоже, что Брэдбери еще и обкрадывает своего маленького соседа!

– Весьма интересно. – Стул занял нормальное положение, и Джордан Рис подался вперед, упершись ладонями в крышку стола. Кэсси смотрела на его засученные рукава, сбившийся на сторону галстук и расстегнутый ворот рубашки и секунду молчала, забыв, что хотела сказать.

– Продолжайте, – мягко попросил он.

– Так вот, – взяв себя в руки, быстро произнесла Кэсси, – весной мне показалось, что общинные земли выглядят слишком уж великолепно. Крокусов больше, чем обычно, – добавила она, имея в виду обширное пространство ухоженного зеленого пояса, почти полностью окружающего город. – Очевидно, наш городской департамент по озеленению стянул их у Райзуэлла.

Клод Эклэнд, редактор отдела новостей, по обыкновению неприятно фыркнув, заявил:

– А вот я не жалею! Окна моего дома выходят на эти общинные земли.

Весной они выглядели как картинка.

– Есть у нас эта картинка! – оборвала его Кэсси. – И еще одна, с предыдущей весны. Нынешняя весна оказалась небывало урожайной по части крокусов. Доказательства неопровержимы!

– Вы уверены? – Жесткий рот Джордана искривила гримаса, подозрительно похожая на усмешку, и Кэсси почувствовала прилив ярости. Конечно, для того, кто привык освещать военные действия и, стоя перед камерой, слышал свист пуль возле уха, проблема, может, и пустяковая. Но для возмущенных жителей Райзуэлла она более чем серьезна.

– Да, уверена. У меня информация непосредственно из палаты Совета.

Он кивнул, глядя ей прямо в лицо.

– Так что же вы собираетесь предпринять?

– Это хорошая основа для статьи. У нашей газеты в Райзуэлле большая читательская аудитория. И в любом случае мы, как большой сосед, не вправе отнимать то небольшое, что у них есть. А такое происходит уже не впервые. У меня обширная информация – проверенная! – добавила Кэсси, видя, как поползли вверх его брови.

Джордан Рис кивнул, отвечая на ее агрессивность пристальным взглядом сузившихся светлых глаз.

– Действуйте! – спокойно сказал он.

Ну что ж, именно так она и поступит.

Совещание продолжалось своим чередом, и Кэсси была рада слегка расслабиться и вступать в дискуссию лишь изредка, по необходимости. Она поймала себя на том, что наблюдает за ним, как вчера, и позавчера, и вообще изо дня в день, на всех совещаниях. Прямо какое-то тайное увлечение!

У него были сильные и по-мужски выразительные руки. Некогда темный загар заметно потускнел, но и теперь золотистый тон кожи резко контрастировал с до странности светлыми глазами.

Рис поднял голову и встретился с ней взглядом. Кэсси принялась торопливо собирать свои вещи, остальные-то участники совещания уже встали из-за стола.

– Задержитесь на минуту, мисс Престон, – услышала она голос главного и, обеспокоенная, вновь присела на стул. Наверняка Джордан решил дать ей бой! Она невольно подобралась, и не зря. Когда все разошлись, он взял вчерашний вечерний выпуск, открыл полосу с ее театральной рецензией и сухо сказал: – Сплошная злоба, ад и полное отсутствие объективности! Мне казалось, именно вы, как никто другой, должны с пониманием относиться к людям театра, и в частности к актерам!

Лучше бы ему этого не говорить. Слово «актер» оживляло в ней слишком много воспоминаний, причиняя невыносимую боль. Кэсси побледнела и обожгла его гневным взглядом. Все страхи были вмиг забыты.

– Я всегда пишу объективно, – возмутилась она. – Здешний театр только потому и хорош, что к нему предъявляют высокие требования.

– Вы считаете, что здесь, в Брэдбери, приложимы те же критерии, что и в театрах лондонского Вест-Энда? – неумолимо настаивал он.

– Я считаю, что за свои деньги люди вправе иметь качественную продукцию где бы то ни было, – отрубил Кэсси. – Если постановка на уровне, то и отзывы вполне положительные. Если же она не удалась, рецензия будет разгромная. Кстати, еще не было случая, чтобы мне не прислали билетов! А раскритиковала я их далеко не впервые! Ваш отец не имел ко мне претензий! – с горечью закончила она. – Он предоставлял мне действовать по моему усмотрению и не вмешивался в мою работу.

Рис жестом показал, что она может быть свободна, и лишь добавил:

– Это потому, что вы не форель. Все, что без плавников, остается вне поля зрения моего отца. Впрочем, я знаю, он очень гордился вами. Ему бы и в голову не пришло в вас усомниться.

– Если вы намекаете, что ваш отец позволял мне делать все, что вздумается и...

– Почему вы держите театральный раздел за собой? – перебил он, окинув Кэсси быстрым пристальным взглядом из-под темных бровей. – У вас и без того дел невпроворот. А рецензии мог бы писать кто угодно.

– Я предпочитаю заниматься этим сама! – сухо ответила Кэсси. Секунду-другую Джордан Рис молча смотрел на нее, потом кивнул, как бы закрывая тему.

– Вы собираетесь поместить материал о департаменте по озеленению в новом цветном приложении? – насмешливо спросил он, как будто речь шла о чем-то вроде рубрики «Сад и огород», а не о серьезном журналистском расследовании.

– Нет! Эти материалы займут целиком всю первую полосу!

– В самом деле? – протянул он с видом человека, успокаивающего капризного ребенка. – У вас, наверное, уже и заголовок есть?

– «Грабеж среди бела дня»! – Вскинув подбородок, Кэсси гордо вышла из кабинета, едва не хлопнув дверью. Ей было наплевать, закончил он разговор или нет.

– Чего он хотел? – спросил Клод Эклэнд, с интересом глядя на пунцовую от гнева Кэсси.

– Мне бы не хотелось говорить.

– У-у-у! Какой гадкий! – Он тихонько присвистнул, чем вконец вывел Кэсси из себя, но, решив не обращать на него внимания, она быстро прошагала через весь офис к своему столу и с минуту сидела у компьютера, чтобы успокоиться, а уж потом насесть на Гая по поводу нового материала.

В театр она снова пошла на той же неделе. Ей всегда присылали два пригласительных билета, чтобы она могла привести с собой кого-нибудь из друзей, но Кэсси ходила в одиночку.

Для нее это была работа, и на сей раз она проделала ее вторично. Она перечитала рецензию за минувшую неделю и убедилась, что та была действительно уничтожающей. Что касается этой недели, Кэсси решила удостовериться, что ее прошлое не мешает ей быть объективной. Новая рецензия была уже написана и сейчас лежала у нее в сумке. Первый акт пьесы подходил к концу, и пока что Кэсси не видела причин упрекать себя в пристрастности – постановка производила весьма скверное впечатление.

Во время антракта Кэсси пошла в бар и заказала коктейль. Она не испытывала ни малейшего неудобства оттого, что стоит здесь одна. Поэтому, когда рядом раздался низкий голос, повторивший ее заказ, и сильная загорелая рука положила на стойку деньги за два бокала, она вздрогнула от неожиданности.

– Я сидел в бельэтаже, – предваряя ее вопрос, сказал Джордан Рис, когда они шли к столику. – Я все время наблюдал за вами, и, насколько успел заметить, вы не сделали ни одной записи. Очевидно, у вас абсолютная память, мисс Престон?

– Сегодня записывать ни к чему! – Кэсси гневно сверкнула глазами, возмущенная его подглядыванием. – Я смотрю эту пьесу уже второй раз. Первый был два дня назад. Рецензия уже готова и лежит у меня в сумке.

– Значит, вы не считаете себя непогрешимой? Можно мне взглянуть на ваш отзыв?

Он властно протянул руку, привычно ожидая повиновения, и ей ничего не оставалось, кроме как вынуть из сумки блокнот со стенографической записью и передать его Рису, в полной уверенности, что он давно уже забыл уроки стенографии, ведь его жизнь весьма и весьма далека от таких прозаических вещей.

Но ее ожидания не оправдались. Просматривая ее записи, Джордан Рис время от времени бросал короткие замечания, которые показывали, что он прекрасно понимает написанное.

– Я вижу, что на этой неделе ваши впечатления от игры актеров ничуть не лучше, чем на прошлой, – сказал он, возвращая ей блокнот.

– А ваши? – насмешливо спросила Кэсси.

– Честно говоря, это ужасно, – признал он. – Если б не следил за вами, я бы, наверное, просто уснул.

Его слова не слишком порадовали Кэсси. Сам факт, что он следил за ней, проверял, как какого-нибудь зеленого несмышленика, поднимал в ее душе бурю негодования. Услышав звонок, извещающий о начале второго акта, она взяла сумку и встала.

– А что, если мы не пойдем досматривать спектакль? – с надеждой спросил он, и на секунду у нее возникло искушение ответить: «С какой стати?», заставив его проскучать до конца теперь, когда он понял, что следить за ней – пустая трата времени. Но ей тоже не улыбалось смотреть это занудство, и, пожав плечами, она направилась к выходу.

Рис шагал рядом, а Кэсси никак не могла придумать, как бы повежливее от него отделаться. Пока они были в театре, прошел дождь, и мокрые мостовые блестели, отражая вечерние огни. Многие прохожие узнавали и окликали Кэсси, что несколько смягчало напряженную скованность, вызванную его присутствием, но тем не менее она с трудом обуздывала сильнейшее желание пуститься наутек. Она по горло сыта его обществом на работе и по крайней мере сейчас вполне могла бы обойтись без этого!

– Вы давно в этом городе? – спросил Джордан, после того как очередной прохожий весело поздоровался с ней. – Похоже, вы знаете тут всех и каждого.

– Я приехала сюда сразу после университета, – коротко ответила она. Мне здесь нравится.

– Далеко вы уехали от дома, – спокойно заметил он. – Удивительно, что вы пошли в журналистику, ведь семья у вас насквозь театральная.

– Не хотелось идти проторенной дорогой! – отрезала Кэсси. Упоминание о семье обдало ее ледяным холодом, это была запретная тема, даже для нее самой.

– Я знаю, ваша мать играет сейчас в Вест-Энде, – продолжал он, не догадываясь, что еще глубже всаживает нож и бережит незажившую рану. Кэсси пришлось напомнить себе, что он ничего не знает. И никто не знает. Он причиняет ей боль не нарочно, просто по неведению. – А о вашем отце я давно ничего не слышал. Он был в Нью-Йорке вместе с вашей матерью?

– Они не ездят вместе, – холодно ответила Кэсси. – И никогда не ездили. Издержки актерской профессии. Они так привыкли. Мой отец теперь... на отдыхе! – заключила она с сарказмом, который заставил Риса пристально посмотреть ей в лицо.

– Вы довольно много играли в университете, – мягко сказал он, несомненно полагая, что тактично ушел от щекотливой темы, хотя на самом деле продолжал терзать ее.

– Вы прекрасно осведомлены, мистер Рис, – заметила Кэсси, и тут он, кажется, наконец сообразил, что, сколько бы ни расспрашивал – хоть всю ночь! – ответы будут только такие – скупые, немногословные.

– Все это есть в вашем личном деле, мисс Престон, – холодно произнес он, – к тому же вы любимица моего отца, и при каждом визите к нему я должен докладывать о ваших успехах!

– Потому вы и придираетесь ко мне без конца? – с горькой иронией спросила Кэсси, не в силах подавить душевную боль, хотя боль эта не имела никакого отношения к Джордану Рису.

– Нет. Мне просто надо знать, что вы делаете свою работу как следует! – досадливо отмахнулся он. – Я уделяю вам не больше внимания, чем другим. Я ведь тоже должен делать свою работу.

– Даже если она вам не нравится! – закончила Кэсси за него и тотчас прикусила язык – напрасно она это сказала.

– Даже если она мне не нравится, – согласился он и раздраженно добавил: – Дальше я вас не провожаю. Судя по количеству знакомых, вряд ли вам угрожает опасность нападения. До вашего дома рукой подать, да и оружие у вас есть – ваш острый язычок. Им вы сможете сразить противника наповал.

Он круто повернулся и пошел назад. Скорее всего, он оставил свой автомобиль возле театра и просто решил проводить ее. Кэсси почувствовала запоздалое раскаяние и хотела было извиниться, но, обернувшись, увидела, что он уже далеко – высокая темная фигура, от которой вновь повеяло давней неприступностью. Кэсси уныло поплелась домой, забыв о собственных горестях и казня себя за скверный характер и еще более скверное поведение.

С утренней почтой принесли письмо, на которое Кэсси сперва не обратила внимания. Она давно взяла себе за правило читать письма за завтраком и не видела необходимости ломать эту привычку. Так что конверт спокойно лежал на столе, дожидаясь, когда она приготовит себе тост и кофе. Без каких бы то ни было дурных предчувствий она отхлебнула кофе и потянулась за письмом. Взгляд небрежно скользнул по конверту – штемпель ее родного города, но адрес напечатан на машинке, а значит, письмо не от отца и тем более не от матери! Мысль о матери Кэсси решительно отбросила. Неприятностей и без того хватает. Скорее всего, какой-нибудь счет. Равнодушно распечатав конверт, она пробежала первые строчки и внезапно побледнела как полотно.

Дважды она прочитала письмо от начала до конца, но оцепенение от шока не проходило, и только мысль о том, что, опоздав на работу, она даст Джордану Рису лишний повод для придинок, заставила ее встать, надеть пальто и взять сумку. В голове царил полнейший сумбур – как быть? Что делать? Вот и говори после этого о дурных предчувствиях!

Послание все-таки оказалось от матери, по крайней мере от ее секретарши, так как Лавиния Престон с некоторых пор не утруждала себя писанием писем. Она собиралась в конце этой недели ненадолго заехать домой по пути в Нью-Йорк, где у нее премьера в одном из бродвейских театров, и выражала надежду, что Кэсси сможет приехать повидаться с ними; и Кэсси знала, что «с ними» означало вовсе не мать и отца, а мать и Луиджи. Кэсси так углубилась в свои мысли, что прошла мимо здания газеты, но, спохватившись, повернула назад.

– Заблудились, мисс Престон?

Услышав язвительно-насмешливый голос Джордана Риса, Кэсси невольно вздрогнула, и во взгляде ее не было ни сей раз ни обычной дерзкой улыбки, ни гнева – лишь растерянность и испуг. Рис только что вылез из своей машины – блестящего ярко-красного «поршекаррера». И правда, он слишком «крупная фигура» и для такой работы, и для этого города, и машина у него чересчур дорогая. На миг Кэсси забыла свои неурядицы, поймав себя на том, что разглядывает его.

Ей вспомнилось, как она впервые увидела Джордана. Хэролд Рис привел его тогда в редакцию и знакомил с сотрудниками. Рис-старший, как всегда, был вежлив и предупредителен, младший держался на редкость невозмутимо. Эта первая встреча произвела на Кэсси ошеломляющее впечатление – никогда прежде ей не доводилось сталкиваться с таким красивым и одновременно таким жестким человеком.

Ровный золотистый загар говорил о том, что он, должно быть, недавно вернулся из очередного заморского вояжа. Волосы темные, густые; складки у рта – так и кажется, что он большой любитель посмеяться, хотя впоследствии Кэсси убедилась, что даже улыбка – редкая гостья на этом лице. А вот глаза, светлые, холодные, как серебристые льдинки, сразу же внушили ей безотчетную тревогу. Джордан Рис устремлял на каждого очередного сотрудника равнодушный, твердый взгляд, как бы ставя галочку в скучном инвентаризационном перечне, коротко вежливо кивал и крепко пожимал руку. Ее рука буквально утонула в его мощной ладони, и Кэсси облегченно вздохнула, когда он отошел от нее. Она сразу же поняла, что никогда не сможет с ним поладить, и оказалась совершенно права: Джордан Рис во всем был полной ее противоположностью!

– Надеюсь, вы все-таки решитесь войти внутрь?

Кэсси вконец смешалась. Господи, как глупо! Ведь он открыл ей дверь и ждет. А она стоит с отсутствующим видом, бессмысленно уставившись на него и думая о своем. Всему виной это письмо. Оно повергло ее в настоящую панику.

– Простите. Я задумалась о... кое о чем... – Поблагодарив его легким кивком, Кэсси быстро вошла в здание газеты. Рис не сказал больше ни слова. Поднимаясь по лестнице, она чувствовала спиной его взгляд и была рада, когда наконец добралась до дверей офиса. Гай Мередит открыл было рот, намереваясь что-то сказать, но осекся, увидев вошедшего следом за нею главного редактора, и быстро согнал с лица удивленное выражение.

– Театральная рецензия готова, Кэсси? – спросил Гай и, дождавшись утвердительного кивка, жестом показал на стол. – Тебе там прислали два билета на следующую неделю. С кем пойдешь? С приятелем?

– Разумеется!

Кэсси опустила на стул и, роясь в сумке, краем глаза отметила, как мимо прошел в свой кабинет Джордан Рис. Приятель! Слова «театральная» и «приятель» все еще отдавались в ее душе болью и стыдом. А ведь все это было давным-давно. И думать об этом ей совершенно не хотелось. Кстати, ехать домой вовсе не обязательно. Вполне можно либо не ответить на письмо, либо сослаться на перегруженность работой. Но нет, на такое она неспособна. Не в ее привычках уклоняться от жизненных сложностей, а если еще представить себе хорошо знакомую мину насмешливого презрения на лице у матери, тем более отбросишь подобные мысли.

С Луиджи Роза-то Кэсси познакомилась в университете, когда он только что приехал из Италии. В свои тридцать лет он был гораздо старше других студентов и буквально заворочил всех, особенно девушек. Смуглый красавец с мягкими манерами уроженца Средиземноморья, Луиджи пользовался огромной популярностью в студенческой общине. К тому же он был невероятно милый! Ему никогда не надоедало выслушивать чужие проблемы. И то, что у Кэсси таковых не имелось, что она была просто «хорошим парнем», вызывало у него живейшую симпатию.

Он занимался в той же группе сценического мастерства, которую в свободное время посещала и Кэсси, и был великолепным актером. Выросшая в театральной семье, Кэсси сразу заметила в нем настоящий талант и постоянно внушала ему, что сцена – его призвание.

Общие интересы сблизили их, и как-то само собой получилось, что все вокруг решили: самому завидному холостяку недолго осталось пребывать в этом качестве. Ну а Кэсси была по уши влюблена и совершенно счастлива. Казалось, ничто не способно омрачить ее безоблачное счастье, и она пригласила Луиджи к себе домой на долгие летние каникулы. Вот тогда-то и рухнули все ее мечты. Домой прилетела мать, выкроившая для отдыха несколько дней между репетициями. Но, увидев Луиджи, Лавиния Престон продлила свой отпуск.

Кэсси очень рано поняла, что родители не питают друг к другу особо нежных чувств. Отец не достиг такой известности, как Лавиния. Он был характерным актером, много работал над собой, но прекрасно сознавал, что его игра никогда не сравнится блеском с игрой его жены. По-настоящему Кэсси не чувствовала близости ни к той, ни к другому. Она вечно им мешала и, как только подросла, тотчас отправилась в школу-интернат, а до этого времени ее воспитывали няньки и гувернантки. Так что Луиджи был ей намного ближе родителей.

Далеко не сразу Кэсси поняла, что происходит, далеко не сразу догадалась, что ее красивая и талантливая мать нарочно медлит с отъездом и сидит в этой ненавистной глуши... ради Луиджи! Ну не смешно ли? Ведь он моложе ее на целых двенадцать лет! Однако Лавиния Престон никогда не скрывала, что в ее жизни много мужчин, а вдобавок эта женщина – огненно-рыжая, с сияющими изумрудно-зелеными глазами – была изумительно хороша собой; Кэсси с ее каштановыми локонами и золотисто-кариими глазами выглядела рядом с матерью как Золушка, тем более что не могла похвастаться ни житейским опытом, ни какими актерским талантом.

Потом они вернулись в университет, и почти сразу же Луиджи уехал, бросив учебу, которой, в общем-то, никогда не увлекался, а через неделю Кэсси увидела в газете, на первой полосе, фотографию: звезда английского театра Лавиния Престон на трапе самолета перед вылетом в Нью-Йорк и рядом с ней – Луиджи, красивый, улыбающийся. Конечно, в университете тотчас пошли пересуды, что-де собственная мать отбила у Кэсси любимого, отбила сознательно и умело; но пересуды – это еще полбеда, самое страшное – предательство матери, которое оставило в сердце Кэсси незаживающую рану... И вот теперь Лавиния снова здесь, вместе с Луиджи, и ждет мирной встречи в семейном кругу!

Прошло четыре года, а кажется, все было только вчера. В Нью-Йорке Луиджи не произвел того впечатления, на какое рассчитывал, а впрочем, он в этом и не нуждался. Лавиния была не только талантливой актрисой, природа не обидела ее и другими способностями. Она была богата, но зря деньгами не швырялась и свои финансовые дела вела с умом, на солидной основе. Под ее крылышком Луиджи мог жить как принц и ничегошеньки не делать – только оставаться красивым и внимательным чичисбеем. К тому же Лавиния знала, чем привязать его к себе: она постоянно сулила ему большие роли, что с успехом сделала и в первую встречу, а он верил каждому ее слову.

Давняя любовь, еще сохранившаяся в сердце Кэсси, была теперь отмечена изрядной долей презрения, и все-таки ей не хватало мужества встретиться с ними, даже спустя столько лет. Она нипочем не выдержит насмешливого и понимающего взгляда матери, безучастности отца и неискренних сетований Луиджи на превратности судьбы.

– Мисс Престон!

О Боже, оказывается, она работала и одновременно думала совсем о другом! Кэсси резко выпрямилась, не отрывая тревожного взгляда от дисплея: выходит, она уже закончила свою заметку и текст исчез с экрана. Что она сделала не так? Ладно, сейчас узнаем. На негнущихся от страха ногах Кэсси проследовала в кабинет Джордана Риса.

– Что с вами происходит? – сердито воскликнул он. – До сих пор я мог упрекнуть вас в излишней язвительности, пристрастном подходе, в резкости тона, наконец, но не в ошибках!

– Ч-что?.. Что я сделала не так? – в панике спросила Кэсси.

Рис что-то буркнул и жестом указал ей на стул.

– Вам лучше присесть, а то упадете... Я просмотрел ваш материал, так как он весьма заинтриговал меня, и обнаружил массу нелепых ошибок. Такое впечатление, будто вы сидели за компьютером в полубессознательном состоянии. Честно говоря, я бы не удивился.

– О Господи, ведь это уже пошло в набор! Я не успею!..

Кэсси вскочила на ноги, однако главный нетерпеливым жестом заставил ее снова сесть и кивнул на дисплей собственного компьютера.

– Я внес исправления и запустил материал в набор, – бросил он. – В целом статья замечательная, но напичкана прямо-таки дикими ляпами! Эрик Браун стал бы посмешищем Совета, появившись он в публикации под именем мисс Браун! Что с вами случилось? Я составил список ваших нелепостей, можете взглянуть.

Он протянул ей лист бумаги с длинным перечнем ошибок, и Кэсси залилась краской стыда и унижения. Оправдаться ей было нечем, и, посмотрев на нее долгим, досадливым взглядом, он наконец позволил ей удалиться. Она задержалась в редакции, пока номер не был окончательно подписан в печать. Все уже ушли, свет горел только над ее столом. Но и в тиши опустевшего здания она никак не могла отыскать решения своей проблемы – его просто не существовало. Если отказаться приехать, мать поймет, что Кэсси одержала победу, пусть и ценой мучительных терзаний. Луиджи преисполнится наигранного сожаления, а что до отца, так ему вообще плевать на ее проблемы! Если же поехать – сумеет ли она встретить их лицом к лицу? Сумеет ли убедить их в своей победе, в своем равнодушии к тому, что когда-то произошло? Вряд ли ей по силам сыграть беспечность, которой на самом деле нет и в помине.

– По-моему, у вас что-то стряслось, а?

Кэсси вздрогнула, услышав рядом низкий, теперь уже спокойный голос, и задним числом сообразила, что Джордан Рис, как всегда, покидает здание редакции последним.

– Я... мм... нет! – Застигнутая врасплох, она совершенно растерялась, но он словно и не заметил. Потянулся к выключателю, погасил свет, затем взял сумку и протянул ее Кэсси.

– Берите пальто, Кассандра, – решительно сказал он. – Сейчас мы с вами пойдем на уголочек, в кафе-чайную, и выпьем по чашке хорошего горячего чая.

– Но я... я не хочу... – промямлила она, в замешательстве оттого, что Рис назвал ее по имени, а он, не обращая внимания на протесты, взял ее за локоть и чуть ли не силой повел к выходу.

– Зато я хочу! – твердо заявил он. – К тому же мне надо кое-что вам сказать, и сейчас для этого самое подходящее время.

Наверняка предложит ей уволиться, подумала Кэсси без тени сомнения, и приглашает на чашку чая, чтобы, так сказать, смягчить удар. Жуткий день! Тут бы не чаю, а чего-нибудь покрепче!

– Я вижу, общинные земли украсились рождественскими огнями, – мягко сказал Джордан Рис, глядя туда, где кончались городские постройки. – Будем надеяться, что это не за счет жителей Райзуэлла, не то их быстренько поснимают и развешат вновь, когда в газетных киосках появится ваша статья. При мысли об этом даже меня переполняет праведный гнев, а ведь я в Райзуэлле ни разу не бывал!

Он говорит все это, чтобы успокоить ее, не дать ей уйти, решила Кэсси. И напрасно, нужды в этом нет. Его рука крепко сжимала ее локоть, и Кэсси, несмотря на свой высокий рост, чувствовала себя рядом с ним маленькой и ничтожной. Ясно одно: улизнуть не удастся. Что бы он ни собирался сказать, Кэсси придется выслушать его, так или иначе!

Глава 2

Кэсси надеялась, что в чайной будет полно народу и поговорить они не смогут, но ее надежды не оправдались. В небольшом зальчике было всего три человека, включая официантку, и Джордан повел ее в дальний угол, подальше от любопытных глаз. Сделав заказ, он откинулся назад, устремил на нее суровый взгляд, и Кэсси тотчас поняла, что ей предстоит трудный поединок с человеком, который, пожалуй, характером был еще решительнее и тверже, чем она сама.

– С тех пор как я пришел в «Хералд», – негромко начал он, – вы постоянно выказываете мне свою антипатию. Очевидно, потому, что я не мой отец. Любое мое распоряжение вы встречаете чуть ли не в штыки, вполне сознательно решив для себя, что будете соглашаться со мной лишь в случае крайней необходимости. Каждую минуту вы готовы скрестить со мной шпаги, и каждое утреннее совещание превращается поэтому прямо-таки в поле битвы.

Возразить на это было нечего, а лгать Кэсси не умела, поэтому, окинув ее сердитым взглядом, он продолжил:

– А сегодняшний день показал, что и помимо вашего явного нерасположения ко мне дело обстоит совсем плохо. Так вот, я не хочу изображать из себя ни отца, ни друга, но при всем вашем упрямом стремлении к независимости вы не можете не признать, что я просто обязан выяснить ситуацию, особенно когда вынужден сам исправлять ваши ошибки.

– Это больше не повторится, – быстро сказала Кэсси; Рис холодно смотрел на нее, и она поспешно опустила голову. – Я получила некое известие и очень расстроилась, вот и все. Само собой, я не намерена пребывать в таком состоянии. Сегодня четверг. Мне нужно продержаться еще только один день, а в выходные я постараюсь уладить свои проблемы.

– Итак, подведем итог: у вас есть проблема, вы отказываетесь от помощи, а к утру в понедельник вернетесь в нормальное состояние – раздраженно-сердитое! – ехидно сказал он.

– Да. Если вы считаете это нормальным! – с досадой парировала Кэсси.

– О нет, нормальным я это не считаю, мисс Престон! Но ситуация именно такова.

Значит, теперь она снова «мисс Престон», отметила Кэсси, устало улыбнулась официантке и налила себе чаю, решив, что неплохо и помолчать.

– Ну что ж, раз наша изыскательская экспедиция завершилась, – заметил он после непродолжительного молчания, – я скажу вам, почему мне хотелось спокойно с вами поговорить.

Теперь держись, подумала Кэсси и приготовилась к схватке, однако и сами слова, и изменившийся тон Джордана Риса заставили ее поднять голову и с удивлением посмотреть на него.

– В конце будущей недели моего отца кладут в больницу. Ему давно уже необходима операция, – спокойно сообщил Джордан.

– Господи! А я ничего не знала! – с сочувствием и тревогой воскликнула Кэсси. Хэролд Рис значил для нее очень много. Он был ей почти как отец, внимательный, с доброй усмешкой вникавший в ее проблемы и всегда готовый помочь, дать совет. Именно Хэролд Рис спасал Кэсси от отчаяния; зная о ее скрытом ото всех горе, он никогда ни о чем не спрашивал, но в тяжелую минуту неизменно находил нужные слова ободрения.

– Поверьте, он никогда не отдал бы мне бразды правления, если бы хорошо себя чувствовал, – улыбнулся Джордан. – Могу вас уверить, что, сидя дома со своими любимыми картинами на «рыбные» сюжеты, он думает только о «Хералд».

Ну, кругом виновата! – покаянно подумала Кэсси. Конечно же, он увез свои любимые картины домой. А она-то, злюка, решила, что Джордан Рис их выбросил. Нет, она и вправду необъективна!

– Это... это очень серьезно? – тихо спросила она, надеясь, что Джордан рассмеется и скажет «нет». Однако он, подняв на нее тревожно-озабоченный взгляд, пожал плечами.

– Кто знает... Операция на желудке вообще штука неприятная, для любого, а он уже далеко не молод.

– Могу я чем-нибудь помочь? – не задумываясь, спросила Кэсси и вновь ощутила на себе пристальный взгляд серебристо-серых глаз.

– Да, можете. Он хочет видеть вас. В эти выходные он еще будет дома и очень надеется повидать свою подопечную. Вы знаете, как он вам симпатизировал и симпатизирует. Вот я и пригласил вас сюда, чтобы просить съездить со мной к старику на уик-энд. Пусть ляжет в больницу со спокойной душой, убедившись, что с вами по-прежнему все в порядке. Ну так что? Вы можете приехать?

Кэсси чуть замялась, и его взгляд мгновенно оледенел, жесткий рот скривился в презрительной усмешке. Ответить он ей не дал.

– Значит, нет! Этого следовало ожидать. Настоящая журналистка, чуждая сантиментов, не так ли?

– Вы не поняли! – в отчаянии воскликнула Кэсси. – Я хочу поехать. Ваш отец слишком много для меня значит...

– Но не настолько много, чтобы вы сделали над собой усилие, – язвительно перебил он.

– В любые выходные, кроме этих! – умоляюще сказала Кэсси, не обращая внимания на презрительный тон. – Я с радостью навещу его на следующей неделе. Я приду в больницу. Я буду рядом и стану навещать его каждый день.

– Поздно вато, ведь ему хочется поговорить с вами до больницы, – холодно произнес Джордан. – Чтобы душа успокоилась. Он твердо решил привести все свои дела в порядок, и одно из этих дел – вы. Очень жаль, что вам это нехвати!

Он поставил свою чашку на стол, явно намереваясь встать и уйти, и Кэсси сдалась.

– Я поеду, – тихо сказала она, но эти ее слова вызвали у Риса еще большую досаду.

– Поневоле? Нет уж, спасибо! – процедил он. – Отец вполне обойдется без тех, кому нет до него никакого дела!

– А вы жестоки! – через силу выдавила Кэсси, с упреком глядя на его затвердевшее лицо. – Я все не могла понять, почему вы мне не нравитесь, но ведь это так очевидно. Вы жестоки! Вы совершенно не похожи на своего отца. Откуда вам знать, что он для меня значит и почему я не сразу сказала «да». Вы только с ходу нападаете!

К своему ужасу, она почувствовала, что ее глаза наполняются слезами, замолчала и поспешно отвернулась, ожидая, что он возмущенно уйдет.

– Мой отец не из тех, на кого можно с легкостью равняться, – тихо сказал Джордан, – у него передо мной много преимуществ, и одно из них ваше доверие. Ну предложил я вам свою помощь, а что толку? Вы незамедлительно поставили меня на место. Причем без лишних слов, – добавил он с горечью, глядя в ее полные слез глаза. – Я быстро понимаю намеки, особенно когда их бросают как булыжники!

– Я... я поеду к нему в этот уик-энд, – пробормотала Кэсси, отводя взгляд. – Я правда хочу поехать! Я вам уже сказала, что он для меня значит, и сказала, всерьез.

– Хорошо. – Собираясь уходить, он знаком подозвал официантку. – Нам нужно выехать в середине дня, а если подучится, даже раньше. Сегодня вечером я постараюсь по телефону договориться, чтобы завтра вам дали выходной. Я заеду за вами около одиннадцати, если сумею найти вам замену. – Но что подумают остальные... – начала было Кэсси и густо покраснела, услышав его брошенное вполголоса замечание насчет «остальных» и дурацких измышлений. Слава Богу, в сумерках он не видит ее лица.

– Я подвезу вас до дома, чтобы завтра не искать нужный адрес, – решительно сказал Джордан Рис, когда они шли через дорогу, – я весьма приблизительно знаю, где вы живете.

– Сейчас я и сама какая-то «приблизительная», – рассеянно обронила Кэсси; они как раз дошли до «Хералд» и садились в шикарный рисовский «порше». Джордан обжег ее сердитым взглядом.

– Ради всего святого, Кассандра, – воскликнул он, – я ведь знаю, насколько небезразличен вам мой отец, и знаю, что решительности вам не занимать! Что с вами творится? Вы не похожи сами на себя. Выкладывайте, что произошло, или мне придется как следует вас встряхнуть.

Вид у него был такой, словно он и впрямь может выполнить свою угрозу, а Кэсси никак не могла отделаться от чувства вины, к тому же для нее было очень важно, чтобы Джордан понял, насколько ей дорог его отец.

– Я собиралась съездить на выходные домой, – пробормотала она, не отрывая взгляда от своих рук, плотно прижатых к коленям. – Я... я не так уж часто там бываю, но... но от матери... вернее, от ее секретаря пришло письмо. Мать приедет туда на выходные, и... и я решила встретиться с ней, чтобы она в конце концов поняла, что...

– Ясно, – задумчиво произнес он, и Кэсси вдруг неудержимо захотелось рассмеяться.

– Да нет, ничего вам не ясно, – довольно резко перебила она. – Ничего! Ведь ситуация весьма необычная. Далеко не всякая мать...

Она замолчала. Вот ужас – чуть было не выболтала ему свою тайну. Джордан внимательно посмотрел на нее, повернул ключ зажигания, и машина тронулась. Всю дорогу Кэсси старалась успокоиться, но, когда он затормозил у ее дома, она все еще чувствовала пробежавшую по телу мелкую дрожь. – Ввиду того, что в вашей собственной жизни возникла кризисная ситуация, – тщательно подбирая слова, сказал он, – я приношу извинения за то, что им наговорил, и скажу отцу, что привезу вас к нему на следующей неделе или чуть позже.

– Нет! – Если выбирать между Хэролдом Рисом и его душевным спокойствием и насмешливым презрением матери, то она, не задумываясь, отдаст предпочтение Хэролду Рису. – Я поеду на этой неделе, а дома пусть думают, что хотят!

– Вы твердо решили? – спокойно спросил он, пристально глядя на Кэсси и отмечая охватившее ее волнение.

– Да, – сделав глубокий вдох и не отводя глаз в сторону, твердо сказала Кэсси.

– В таком случае почему бы нам не поужинать сегодня вместе? Думаю, нам не мешало бы поближе познакомиться, прежде чем мой отец начнет выяснять, что к чему, а?

В ее глазах опять промелькнула нерешительность, и он не удивился, только вздохнул, включая зажигание.

– Это всего лишь предложение...

У этого человека поистине редкостная способность внушать ей чувство вины! Она была несправедлива, вела себя с ним вызывающе и едва ли не грубо, ни за что ни про что обвиняла во всех смертных грехах – вот и сейчас тоже вела себя непозволительно.

– У меня в морозилке найдется пара бифштексов, – торопливо сказала она. – Еще можно быстренько приготовить салат, и фрукты есть. Как насчет поужинать здесь, у меня, я...

– У меня нет слов, – широко улыбнулся Джордан. – Я вернусь через час и прихвачу бутылку вина, ладно?

– Да, а я... я пока займусь едой...

– Если к тому времени придете в себя и передумаете, – поддразнивая ее улыбкой, мягко произнес он, – оставьте на двери записку.

Не дожидаясь ответа, он тронул машину с места, а Кэсси вошла в дом, слегка растерянная от неожиданного для нее самой приступа гостеприимства. Впервые она пригласила к себе мужчину, мало того – Джордана Рису! Вот уж не думала, не гадала! То ли еще будет! Она озабоченно огляделась и поспешно вытащила на свет пылесос. Что вполне сойдет для нее, вряд ли покажется нормальным ему. Не хватало только, чтобы он ходил по квартире с пыльной тряпкой.

Когда он вернулся, Кэсси успела привести квартиру в полный порядок, принять душ и надеть берегаемое для особых случаев вышитое платье, и бифштексы были уже почти готовы. Джордан позвонил у двери, как раз когда она заправляла салат, и, впустив его, она с облегчением отметила, что он тоже переоделся, сменив темный костюм на менее строгую экипировку. Черная сорочка еще больше подчеркивала яркость его серебристо-серых глаз, и секунду-другую они стояли, молча глядя друг на друга.

– Обоюдный сюрприз! – подытожил он, направляясь с бутылкой вина прямо на маленькую кухню. – Вы позволите мне накрыть на стол?

– Пожалуйста, если хотите. – Кэсси кивнула на выдвижной ящик с приборами, постелила на стол голубую клетчатую скатерть и опять занялась салатом. – Э-э... да, рюмки наверх, в шкаф. Их там немного, гости у меня бывают редко и...

– По одной на каждого вполне хватит, – спокойно сказал Рис. – Успокойтесь же, Кассандра. Право слово, я ведь не кусаюсь.

– Не смогу, если вы будете называть меня Кассандрой, – сказала Кэсси, склонясь над салатом, чтобы скрыть проступившую на лице краску. Ну что бы ему быть чуть меньше ростом; а то ведь всю кухню собой заполонил. Эта квартира не рассчитана на таких высоких людей, как он и она. Из-за него все здесь казалось прямо-таки игрушечным.

– Кассандра, – задумчиво протянул он, открывая вино. – Предсказательница. Каковы будут предсказания насчет бифштексов?

– Сгорят, если мы сию же минуту не примемся за ужин! – с ходу ответила Кэсси, выкладывая на блюдо готовые бифштексы и ставя на стол салат. – На вид очень аппетитно, – подвигая ей стул, с некоторым удивлением сказал Джордан.

– Бифштекс приготовит кто угодно, – сдержанно заметила Кэсси, не принимая предложенный им дружеский тон.

– Раз вы верите в это, значит, можете поверить во что угодно, – усмехнулся Джордан, и Кэсси решила, что как-нибудь сумеет довести до конца совместную трапезу, а затем они серьезно поговорят о его отце. Нынешний вечер – первый и последний, ей вовсе не по душе устанавливать близкие отношения с этим весьма могущественным человеком. Он не в ее вкусе. Ей нравились более мягкие, более чуткие мужчины. Как правило, ярко выраженное мужское начало вызывало у нее опасливые ощущения. А он был именно такой, и ничего тут не поделаешь. Кэсси изо всех сил старалась быть к нему справедливой, но в глубине души все время чувствовала раздражение. Сидя напротив своего гостя, Кэсси украдкой, из-под ресниц наблюдала за ним. Точно так же она наблюдала за ним каждое утро, на совещании, и знала почему. Ее отталкивала напористая мужественность Риса, и она постоянно была начеку. Слишком много в нем прямо-таки материально ощутимой животной силы, и каждый раз, когда он оказывался рядом, в Кэсси сами собой срабатывали защитные рефлексy. Она искренне жалела, что пригласила его к себе, но ведь он, как всегда, сумел поставить ее в пиковое положение.

– Вы живете здесь с тех пор, как приехали в город? – полюбопытствовал он, когда они после ужина пили кофе в ее небольшой, аккуратно прибранной гостиной.

– Нет, в то время квартира была мне не по карману. Вы, наверное, забыли, но младшие сотрудники зарабатывают очень немного, – покосившись на него, сказала Кэсси. – Я снимала жилье с тремя другими девушками. Мы неплохо ладили, но я предпочитаю жить одна, хотя отношения у нас остались дружеские.

– А как вы проводите выходные дни? – с интересом спросил он, внимательно глядя на ее склоненное над чашкой лицо. Он сидел откинувшись на спинку кресла и удобно вытянув ноги, будто у себя дома, и в глазах Кэсси на мгновение мелькнула досадливая неприязнь. Как хорошо было жить в этом городе, пока не появился он! С его приездом все у Кэсси пошло наперекосяк. Спустя четыре года ей опять придется увидеть Луиджи. Будь Хэролд Рис по-прежнему здесь, она бы рассказала ему обо всем, и он бы наверняка предложил какое-нибудь простое решение.

– По-разному. Хожу по магазинам, просто гуляю. Иногда встречаюсь со знакомыми девушками, с теми, вместе с которыми снимала жилье, – коротко ответила она.

– И у вас нет постоянного друга?

– Нет! – Кэсси воинственно сверкнула глазами, и Джордан Рис с грустью улыбнулся.

– Я всего лишь пытаюсь поддержать разговор, Кэсси, – спокойно сказал он, – и вовсе не хочу совать нос в вашу личную жизнь. Пожалуй, будет лучше, если мы вернемся к нашему уик-энду, пока я не злоупотребил вашим гостеприимством. С заменой я все устроил. Один из младших редакторов поработает вместо вас. Конечно, это не входит в его обязанности, но и делать там особенно нечего: вы ведь уже подготовили материал, да и Гай будет на месте.

– Извините, – пробормотала Кэсси. – Это нервы. Я совсем не хотела вас обидеть. Я... может быть, еще кофе?

– Нет, благодарю, – быстро произнес он, переходя на деловой тон. Давайте все-таки вернемся к предстоящему уик-энду.

Господи, столько сразу навалилось на нее. Пришла беда – отворяй ворота. Мать, Луиджи, безмятежное равнодушие отца... Хэролд Рис ложится в больницу, и это ей далеко не безразлично, однако мысль о выходных в доме родителей по-прежнему отодвигает все остальное на задний план, а с Джорданом Рисом она ведет себя просто ужасно. Ведь она и сейчас не перестает плохо думать о нем, а его проблемы, что ни говори, куда серьезнее ее собственных. В глубине души она прекрасно знает, что Джордан никогда бы не согласился стать главным редактором «Херадд», если бы не любил своего отца.

– Кэсси?

Услышав тихий голос Джордана, она вдруг поняла, что сидит низко опустив голову и по щекам у нее текут слезы. Вот кошмар! Кэсси была не в силах поднять глаза, и, когда он подошел и сел рядом, внутри у нее все оцепенело от напряжения.

– Послушайте, – мягко сказал он, – если вам необходимо поехать домой, то не мучайтесь и поезжайте. Для вас это наверняка очень важно, иначе вы не были бы сейчас в таком состоянии.

– Нет, я поеду к вашему отцу! Мне наплевать, что они подумают! Я вообще никогда больше не поеду домой, вот и все. Как бы я ни поступила, им от этого ни жарко ни холодно.

Помолчав, он негромко сказал:

– А что, если мы попробуем разом убить двух зайцев? Насколько я помню из вашего личного дела, вы жили в Хэмпшире. В таком случае мы могли бы заехать туда по пути. В пятницу вы там переночуете, а в субботу днем мы отправимся дальше, в Суррей.

– Нет, это исключено! – воскликнула Кэсси, поспешно вытирая слезы. Я не вынесу присутствия постороннего, когда... Я хочу сказать, что должна быть там одна... Мне будет очень не по себе, если вы...

В ответ на ее бурную отповедь на лице у Риса появилось выражение такой безмерной усталости и покорного смирения, что Кэсси забыла о своей гордости и все ему рассказала.

– Мать приедет туда не одна, а с одним человеком, – не глядя на него, начала Кэсси. – Еще в университете я... мы... собирались обручиться. Я пригласила его к нам на каникулы, мать в это время тоже была дома. – Кэсси пожала плечами. – Тогда-то все и произошло! Они оба приедут туда на эту субботу и воскресенье, вместе. Внешне все выглядит вполне респектабельно, верно? – добавила она с горькой усмешкой. – В конце концов, для актрисы считается вполне нормальным иметь постоянного поклонника, тем более для такой красивой и талантливой актрисы, как моя мать. И совсем не важно, что Луиджи намного моложе ее, об этом никто и не догадывается. Она выглядит прекрасно.

– Знаю, я ее видел, – коротко заметил Джордан. – Тогда зачем эта семейная встреча, Кэсси? Чтобы растравить раны? Проверить, сколько вы способны выдержать? Она поймала вас в силки, верно? Если вы откажетесь от встречи, значит, вы еще не успокоились, еще тоскуете по

Луиджи. Если приедете, то каждое ваше слово, каждый взгляд будут истолкованы превратно. Вы все еще любите его?

– Не знаю, – тихо сказала Кэсси. Она и вправду не знала. Сейчас она чувствовала к нему презрение, даже неприязнь. Но как знать, что будет, когда она снова увидит его, заговорит с ним?

– Вы должны встретиться с ним, это единственный способ все выяснить, – с каким-то ожесточением произнес Джордан.

– Знаю, но...

– Но что, если вы все еще любите его? И это как-то проявится? Вообще выход есть, – спокойно сообщил он. – Вам нужно приехать туда с женихом, для них это будет хороший сюрприз!

– Я бы с радостью! – горько сказала Кэсси. – Только... вы, должно быть, не обратили внимания, но, увы, у меня нет под рукой подходящей кандидатуры.

– Я могу прекрасно сыграть эту роль, если вы мне позволите, – деловито сказал он, – и если в свою очередь согласитесь кое в чем помочь мне. – Что? – Она резко выпрямилась, глядя на лукаво улыбающегося Джордана.

– Это удивленное восклицание или вопрос? – спросил он. – Если вы изумлены, то, ради Бога, не делайте поспешных выводов! Если же это вопрос, тогда сварите-ка еще кофе, а я все вам расскажу.

Кэсси с готовностью сбежала на кухню, ей срочно требовалось побыть одной. Он настоял помыть посуду еще до того, как они принялись за кофе, поэтому надолго все равно не отлучишься. И однако же, когда она в конце концов, собравшись с духом, принесла кофе, Джордан метался по комнате, как хищник по клетке.

– Вряд ли вам это понравится, – с мрачной решимостью заявил он. – И, зная вашу вспыльчивость, я очень прошу вас: сначала послушайте меня, хорошо?

Кэсси молча кивнула, разлила кофе по чашкам и села, а Джордан с чашкой в руке продолжал стоять. Затем поставил кофе на каминную полку и некоторое время смотрел на нее, как бы в раздумье подбирая нужные слова.

– Вызнаете, чем я занимался до того, как возглавил здешнюю газету? неожиданно спросил он.

– Да, вы работали на телевидении, зарубежным корреспондентом. В университете мы часто смотрели ваши передачи.

– Ясно, – сухо заметил он. – Вы были совсем малышкой, когда я впервые попал за границу. Мне уже тридцать шесть.

– А мне двадцать пять. Ну и что? Какое это имеет отношение к делу? – Кэсси с недоумением взглянула на него. – Что же касается малышки, то ростом я всегда была чуть ли не выше всех, включая парней. Но дело не в этом. Ваши репортажи были по-настоящему захватывающими, а временами опасными.

– Это уж точно, – задумчиво подтвердил он. – Когда живешь с постоянным ощущением скоростного полета на большой высоте, то очень трудно привыкнуть к земле. Работа в «Брэдбери хералд» редко дает ощущение высоты и никогда – опасности, если не считать наших с вами стычек. Вы совершенно правы, я был отнюдь не в восторге, да и теперь еще иногда ощущаю досаду. Он сел, не отводя от нее пытливого взгляда.

– Мой отец основал эту газетную фирму. Начав репортером, он поднялся до главного редактора «Брэдбери хералд», а затем, когда подвернулась возможность, купил все предприятие. Он вложил в него все наличные деньги и все, что сумел занять и затраты себя оправдали. Он начал почти с нуля. Ему было очень нелегко, Кэсси, и временами нам приходилось экономить каждое пенни. Университет для меня тоже не был развлечением, потом я стал репортером, из тех, кому, как вы только что напомнили, платят гроши, перебрался на радио и, наконец, на телевидение. Отец хотел, чтобы я приехал сюда и принял руководство газетой, но мне

нравилась моя работа. Лишь когда отец отошел от дел, я с большой неохотой приехал сюда, прежде всего потому, что он заболел. Он против моего возвращения на телевидение, боится, что в один прекрасный день пуля настигнет меня, и поэтому хочет, чтобы я остепенился, завел семью и остался здесь. Это – очередной пункт программы, с которым нужно разобраться перед тем, как лечь в больницу.

– Выходит, он думает, что больше не выберется оттуда? – с тревогой спросила Кэсси, забыв о собственных неприятностях.

– Ему уже под семьдесят, и с больницей он долго тянул. Сдавление желудка – вещь весьма неприятная, и он, по-моему, решил, что всей правды ему не говорят.

– А на самом деле говорят? – с искренним беспокойством спросила Кэсси.

– Да, но у него очень беспокойно на сердце. Признаюсь, Кэсси, я схитрил, – виновато усмехнулся Джордан. – Я пригласил вас сегодня, чтобы попросить съездить со мной к отцу, но затем собирался предложить вам обручиться со мной, для виду, чтобы успокоить старика – пусть спокойно ляжет в больницу, думая, что я наконец остепенился.

Да, серьезный резон, куда серьезнее, чем тот, по которому ей самой требовался провожатый, и все же слова Джордана привели Кэсси в сильное замешательство.

– Почему я? – озадаченно спросила она. – Отношения у нас не самые лучшие, и я больше чем уверена, у вас наверняка найдется приятельница и не одна! – более подходящая для этой роли.

– Но ни одна из них не понравится ему, – грустно усмехнулся Джордан. – Его любовь, похоже, распространяется только на нас с вами. И большая ее доля принадлежит вам!

– Мне об этом неизвестно.

Кэсси вскочила и, обхватив себя за плечи, принялась нервными шагами мерить гостиную. Одно дело – обманывать свою мать и Луиджи, и совсем другое – Хэролда Риса.

– Нет, так нельзя! – решительно сказала она. – Когда он выйдет из больницы и все узнает, он будет просто оскорблен и перестанет доверять нам обоим. Я не могу так поступить с вашим отцом.

– Но собираетесь проделать это с вашей матерью и этим... Луиджи, мягко напомнил он.

– Там совсем другое! Для меня это самозащита... к тому же я не согласилась на такой план...

– ...пока что, – спокойно закончил он. – Если говорить об отце, то он с легким сердцем ляжет в больницу, зная, что я надежно берегу все, чем он в своей жизни дорожит. А когда его выпишут, мы все ему осторожно объясним, и не сразу, а через месяц-другой. К примеру, скажем, что слишком часто ссоримся, и, кстати, нисколько не погрешим против правды, – иронически добавил он.

– Через месяц-другой? – Кэсси перестала снова по комнате и быстро села. – Я никогда... я думала, это всего на один день!

– Да ладно вам! – оборвал он. – Лавиния Престон далеко не глупа, а к тому же великолепная актриса. Чтобы убедить ее, мало приехать с кавалером и нежно повздыхать! Уж кто-кто, а она сразу заметит плохую игру! Джордан прав. Просто ей не приходило в голову взглянуть на ситуацию с такой стороны, и в глубине души эта затея по-прежнему пугала ее. Как-никак речь идет о нескольких месяцах! Да и при мысли об отце Джордана сердце сжимала тревога.

– Я не могу дурачить вашего отца! – решительно сказала она, но под взглядом Джордана вновь почувствовала неуверенность.

– Даже ради того, чтобы дать ему немного радости и покоя перед тяжким испытанием? Слишком большой груз для вашей совести? А мне было показалось, что он значит для вас больше, чем ваши собственные родители. Для него-то вы на самом деле как дочь. Сегодня я прочел ему по телефону вашу последнюю статью, так он буквально расцвел от гордости. Вот

ради этого он и работал в газете. Ну, что для вас важнее, Кэсси? Ваша совесть или ваше доброе отношение к отцу? Суть проблемы именно в этом.

– Не знаю, справлюсь ли я, – помолчав, сказала Кэсси. – Я чувствую плохую игру, но это вовсе не значит, что сама я – хорошая актриса. Мать сразу меня раскусит, впрочем, как и ваш отец.

– Я больше чем уверен, что ваша мать ни о чем не догадается, – хмуро сказал Джордан. – От вас требуется лишь время от времени вздыхать и заливаться краской, а вашу мать и Луиджи я беру на себя. Надеюсь, вы умеете вздыхать и стыдливо краснеть? – насмешливо добавил он.

– Краснеть – да, а вот насчет стыдливости и нежных вздохов не знаю, ответила Кэсси, внезапно улыбнувшись.

Неожиданно она почувствовала, как все ее тревоги и страхи улечиваются. Джордан Рис не юный мальчик, который станет смущенно хихикать от ее вранья. Мысль о том, что он будет радом, успокоила Кэсси, и она была рада, что выложила ему свои беды.

– Ваш отец, однако же... – начала она, и ее лицо вновь потухло.

– Со временем все образуется, – спокойно проговорил он. – У вас ведь нет причин желать нашей помолвке скорого конца, верно?

– Нет, пожалуй. Да, в общем, это не имеет значения, – с удрученным видом сказала она.

До сих пор Кэсси давала от ворот поворот всем мужчинам, пытавшимся ухаживать за ней. После Лунджи она не доверяла никому, кроме Хэролда Риса. И все-таки доверилась Джордану, но в конце концов это доверие взаимно.

– В таком случае завтра мы едем, и будь что будет. – Он встал. – А тем временем прорепетируйте свою на редкость очаровательную улыбку. Она вам понадобится, когда вы представите перед вашей матерью и... другом. Никто ничего не знает, только вы и я. И она не узнает, поверьте!

Кэсси молча кивнула, все еще с тревогой, но он, уже в дверях, ободряюще улыбнулся, и оба вдруг почувствовали себя заговорщиками, которые владеют некой общей тайной. Как хорошо, подумала Кэсси, что завтра не нужно идти на работу. Не придется давать объяснения.

Глава 3

На следующий день, когда к дому подъехал «порше» Джордана, Кэсси, стоя у окна и глядя, как он выходит из машины, вдруг разволновалась. Вид у него был довольно хмурый. Совместная затея, похоже, нравилась ему не больше, чем ей. Любопытно, что он сегодня надел, сама-то Кэсси долго не могла решить, какое платье выбрать. Джордан был в отличном темно-сером костюме и сверкающей белизной сорочке, и Кэсси поневоле признала, что он слишком, даже вызывающе красив. Но взгляд у него был какой-то отрешенный, холодноватый, и она вдруг засомневалась в успехе их предприятия. Хорошо хоть, что в итоге она остановила свой выбор на строгом костюме. Испытание предстоит необычайно трудное, и надо быть во всеоружии. Очевидно, Джордан разделял ее мнение, поскольку при виде подчеркивающей стройность ее бедер узкой юбки и короткого прямого жакета на его лице тотчас отразилось явное одобрение.

– Великолепно! – воскликнул он. – Синий цвет очень вам вдет. – Он окинул ее внимательным взглядом, сразу же отметив на ее лице следы беспокойно проведенной ночи, и снова нахмурился. – Все будет хорошо, Кэсси, – деловито сказал он, взял ее чемодан и посторонился, пропуская ее вперед. – Через несколько часов вы сами убедитесь, что все ваши тревоги были напрасны.

Кэсси так не думала, но тем не менее ей было приятно, что Джордану небезразлично ее беспокойство. И все же она чувствовала себя не в своей тарелке. Джордана, казалось, вовсе не трогало, что он, не скрываясь, заехал за ней и что они одновременно взяли выходной в газете. Их обоих прекрасно знали в городе, и Кэсси не оставляло ощущение, будто множество глаз наблюдают за их отъездом. А ее шефу все это было, по-видимому, совершенно безразлично.

Напряжение не покинуло ее, даже когда город остался позади. Напротив, тревожные мысли все больше овладевали ею, и, когда спустя некоторое время Джордан повернулся к ней, Кэсси прочла в его глазах досаду.

– Я очень хорошо понимаю ваше беспокойство, – недовольно произнес он, – но вынужден сказать: не забывайте, что в скором времени вам предстоят некоторые испытания и способность к нормальному общению со мной будет самым легким из них. Никто, и менее всего Лавиния Престон, не поверит в нашу помолвку, если мы станем смотреть друг на друга как чужие люди, не желающие даже разговаривать.

– Извините. – Кэсси взглянула на него с легким вызовом. – Разумеется, вы правы, но я действительно не знаю, о чем мне говорить. В конце концов, мы ведь даже не друзья, не говоря уж о большем. Вряд ли из нашей затеи что-нибудь получится. – Она сокрушенно вздохнула, чем еще сильнее рассердила его.

– Не получится, если мы не приложим усилий! – отрезал он. – Нужно хотя бы на эти выходные забыть о взаимной неприязни и попытаться лучше узнать друг друга.

– А как насчет остальных дней? – раздосадованная его тоном, спросила Кэсси. – Всех этих... месяцев, когда мы будем вынуждены притворяться перед вашим отцом?

– А кто говорит, что мы должны все время торчать у него перед глазами, изображая влюбленных?! – язвительно заметил Джордан. – Мы оба работаем, и, к счастью, далеко от больницы. Так что всегда найдется возможность провести короткую репетицию, если возникнет необходимость провести его.

– Такая необходимость безусловно возникнет! – резко бросила Кэсси. – Я намерена и навещать его в больнице, и справляться о его состоянии, и видаться с ним после выписки, и...

– Жаль, что при встрече с вашим бывшим возлюбленным вам нельзя изобразить, будто вы помолвлены с моим отцом! – съязвил Джордан. – О нем вы говорите с куда большим энтузиазмом, чем о нашей общей миссии.

– Луиджи никакой не возлюбленный, ни бывший, ни нынешний! – разозлилась Кэсси. – И для меня совершенно естественно говорить о вашем отце с любовью. Его я знаю, а вас не знаю совсем. До вчерашнего вечера вы только и делали, что придирались ко мне, вечно были недовольны. А к вашему отцу я всегда заходила без страха.

– Вы хотите сказать, что ко мне вы заходить боитесь? – спросил он не то с удивлением, не то удовлетворенно.

– Да! Если хотите знать, боюсь! – Кэсси резко повернулась к нему, отчего ее рыже-вато-каштановые локоны взметнулись волной.

Он быстро посмотрел на нее – алые от гнева щеки, сверкающие вызовом карие глаза. Затем спокойно перевел взгляд вперед, на дорогу, а когда Кэсси украдкой покосилась в его сторону – ей стало неловко за эту вспышку раздражения, – она увидела, что губы Джордана подрагивают от сдерживаемого смеха.

– А вы, оказывается, прямо порох! – мягко заметил он. Кэсси не ответила, и он, протянув руку, взял ее судорожно стиснутые пальцы в свою сильную теплую ладонь. – Сосчитайте до десяти, и мы возобновим наш разговор, – спокойно предложил он. – Давайте начнем с того, что мы помолвлены. Почему бы нам в таком случае не познакомиться поближе. Я бы не хотел, чтобы нам задавали щекотливые вопросы, на которые мы не сумеем ответить. Пожалуй, начну с себя. Мне тридцать шесть, родился в Лондоне, называли меня в честь деда с материнской стороны. Учился в обычной школе, где пришлось заниматься как одержимому, затем Кембридж. Остальное я уже рассказывал – в общих чертах. Я не люблю распространяться о своих... приключениях.

– В этом нет необходимости. Я читала ваши книги, – пробормотала Кэсси, отметив его удивленный взгляд.

– В самом деле? Вы мне льстите, если, конечно, не считаете их ужасными.

– Нет, книги правда хорошие. Только грустные немного... – задумчиво добавила она.

– Как и сама жизнь, – мрачно произнес Джордан и решительно переключился на бодрый тон: – Теперь ваша очередь.

– Глупо как-то, – смущенно сказала Кэсси, опустив глаза. – Будто мы затеяли игру по дороге на казнь.

– Ну, это вы хватили! Дело не настолько плохо, – рассмеялся он. Только помните: у вашей матери будут подозрения. Но не у моего отца. Он будет в восторге!

– Вы очень хладнокровный человек, да? – сухо сказала Кэсси и вновь услышала его жесткий, невеселый смех.

– Вы, как я вижу, успели это заметить? Но мое хладнокровие не касается отца и матери. Других – да.

– Вот как? Кстати, я ничего не знаю о вашей матери! – забеспокоилась Кэсси. – Кроме ее имени.

– Дороти, – удовлетворенно сказал Джордан. – Отец называет ее Дот. Ну а теперь рассказывайте о себе. Я не смогу убедительно играть свою роль; если мне придется то и дело изображать удивление, говоря при этом: «А я и не знал, дорогая». Ваша мать непременно начнет задаваться всякими вопросами насчет вас.

Кэсси покраснела – слава Богу, Джордан, кажется, этого не заметил! Но что ни говори, а он прав, и она принялась рассказывать о себе. Джордан был хорошим слушателем, и постепенно она забыла о смущении, не отдавая себе отчета в том, что рассказывает ему повесть своего одиночества. Кэсси вернулась от воспоминаний к действительности, только когда они подъехали к окраине Лондона, и, увидев, что Джордан собирается свернуть в город, не удержалась от замечания, что такая дорога отнимет кучу времени.

– Вероятно, – пробормотал он, внимательно следя за оживленным движением, – но не забывайте, мы помолвлены, а у вас пока еще нет обручального кольца.

– Это вовсе не обязательно, – поспешно сказала Кэсси, внезапно ощутив непонятную тревогу, не имевшую никакого отношения к предстоящей встрече с матерью и Луиджи. – В наше время многие...

– Многие, но не я! – отрезал он. – Мои родители – люди старой закалки, и для них это само собой разумеется. Ваша мать богата, и, естественно, ее будет интересовать приблизительная стоимость кольца. Н-да, если идти у вас на поводу, провал обеспечен. Ваша мать сразу все поймет и посоветует нам в следующий раз получше выучить свои роли.

– Между прочим, мы уже проехали множество ювелирных магазинчиков, ~ нетерпеливо сказала Кэсси, которой вдруг загорелось почувствовать на пальце кольцо Джордана, пусть даже это всего-навсего игра.

– На этот случай у меня тут есть особое местечко, – с решительным видом сказал он.

– Понятно. Обычно вы покупаете обручальные кольца у одного и того же ювелира, да?

– Ну-ну! – усмехнулся он. – Вам бы не мешало убрать свои колючки, если вы хотите, чтобы наша помолвка выглядела убедительно. Вообще-то я купил себе там первые в моей жизни часы, когда почувствовал, что наконец становлюсь на ноги. В тот день я получил на телевидении первое месячное жалованье, решил шикануть и купил себе дорогие часы.

– Вот эти? – спросила Кэсси, бросив взгляд на плоские золотые часы, украшавшие его сильную кисть, и подумав, что, может быть, ей стоит попробовать устроиться на телевидение, раз там так хорошо платят.

– О нет! – он рассмеялся. – Эти пришли вместе со славой. А те первые я сохранил для потомков. В свое время я так им радовался! – мягко добавил Джордан.

– А теперь вы повзрослели... – пробормотала Кэсси, опасливо глядя на сверкающую витрину ювелирного магазина, возле которого они остановились. – Да, – ответил он. – Повзрослел и стал циником.

Едва они вошли в магазин, Кэсси от волнения замолчала, только отметила про себя, что Джордана мгновенно узнали и приветствовали улыбками, а помощник управляющего тотчас обратился к нему по имени. Через минуту, весело ухмыляясь, подобно джинну из бутылки, появился и сам управляющий. – Это популярность, а не дурная слава, – вполголоса обронил Джордан, отвечая на ее язвительный взгляд, а секунду спустя внимание Кэсси полностью приковали искрящиеся на специальных подносах обручальные кольца. Разумеется, право выбора принадлежало Джордану. С ее стороны было бы смешно и даже подло выбирать кольцо ради того, чтобы обмануть его отца. При мысли о собственной матери у Кэсси не возникало ни малейших угрызений совести. В конце концов Джордан остановил свой выбор на кольце, украшенном бриллиантовой розеткой, с крупным, чистой воды центральным камнем. Ощувив на пальце его тяжесть, Кэсси даже оробела.

У нее возникло странное ощущение, будто все это происходит не наяву, а во сне. Усилием воли она заставила себя вернуться к реальности, перехватив мягкий, сочувственный взгляд управляющего, для которого эта картина явно была не в новинку, и услышав спокойный голос Джордана.

– Тебе нравится, дорогая? – ласково спросил он, и Кэсси пробормотала, что кольцо замечательное. Управляющий довольно улыбнулся, чем поверг ее в полнейшее замешательство. – Она не будет его снимать, – твердо заявил Джордан, взял коробку и, передав ее Кэсси, вынул чековую книжку. Увидев цифру на чеке, Кэсси снова ошеломленно замолчала. И только когда они вышли на улицу, яростно набросилась на Джордана:

– По-моему, вы просто сошли с ума! Можно было бы вполне обойтись бижутерией. Кто в наше время способен отличить настоящую вещь от подделки? – Господи, святая простота! – Он насмешливо развел руками. – Люди вроде вашей матери разглядят фальшивку за милю. И зарубите себе на носу: может быть, я человек ужасный, брюзга и придира, но уж дешевкой я никогда не был! И вы сейчас в этом убедитесь. Ну-ка, угадайте, куда мы пойдем обедать?

– Я никогда не говорила, что вы ужасны, – твердила свое Кэсси, не в силах отвести взгляд от сверкающего кольца, массивная тяжесть которого одновременно и раздражала ее, и успокаивала. – Я говорила только, что мне было боязно заходить к вам в кабинет!

– Впредь, вызывая вас к себе, я буду громко ругаться в соседней комнате, – успокоил Джордан. Он посмотрел на руку Кэсси, затем перевел взгляд на ее растерянное лицо и с искренним удовлетворением проговорил: – Вспыхивает так же ярко, как ваши щеки!

Как выяснилось, он решил пообедать в одном из самых дорогих отелей, и Кэсси вновь почувствовала легкую панику.

– Ну зачем это?! – возбужденно воскликнула она, остановившись у самого входа. – Я... мой костюм вовсе...

– Вы прекрасно выглядите, – спокойно сказал он, невозмутимо ожидая, когда она решится войти. – Цвет вашего костюма великолепно гармонирует с цветом волос. – Кэсси шагнула к нему, и Джордан уверенно взял ее под локоть. – Длина юбки тоже вполне подходящая!

– Просто нормальная, – пробормотала Кэсси. – Сейчас в моде более короткие юбки.

– Вот как? А я было подумал, что девушки стали более длинноногими!

Его слова ничуть не ободрили Кэсси, и, конечно, здесь его тоже встретили как старого знакомого!

– Цена славы, – усмехнулся он. – Да вам это наверняка знакомо, ведь ваша мать...

– Не припомню, чтобы мы с ней бывали где-нибудь вместе, – ответила Кэсси, чувствуя, что каким-то образом задела его, потому что взгляд у него стал хмурый и обиженный. Ладно, по крайней мере они не играли в молчанку, а это уже неплохо, вдобавок на ее пальце сверкало кольцо, словно талисман, отпугивающий злых духов. Может, с этим кольцом ей и не понадобится ничего изображать? Может, мать клюнет на обман? Кэсси очень на это надеялась, так как успела понять, что без Джордана ей нипочем не справиться с принятой на себя ролью.

Когда машина взбиралась на холм, приближаясь к деревне, до Кэсси вдруг дошло, что она не была здесь уже много месяцев. В тот последний приезд отец держался так равнодушно, был так занят собой, что она уехала раньше, чем планировала, и теперь, когда Джордан свернул налево и она увидела впереди свой дом, сердце ее учащенно забилося.

Дом был большой, белый, не то чтобы красивый, но весьма внушительный. Окружавший его сад подступал к самой дороге. Джордан затормозил у широких белых ворот, позади громадного «даймлера», на котором обычно ездила ее мать.

– Они уже здесь, – испугалась Кэсси; при виде знакомого автомобиля и сверкающего белизной дома прошлое вновь нахлынуло на нее, разом лишив всякой уверенности.

– Не волнуйтесь и делайте так, как я вам скажу, – спокойно проговорил Джордан. – Идите в дом одна, я скоро подойду, и помните, вы уже не юная девочка, прошло довольно много времени. И вы больше не живете здесь. Если станет совсем невмоготу, мы просто уедем – короткий визит, и все. Кэсси с тревогой посмотрела на него, но Джордан решительно кивнул, указывая на ведущую к дому дорожку, – уверенный в себе мужчина, которому надо подчиняться.

– Ну же, – приказал он. – Просто откроете дверь и войдете в дом. Я буду недалеко, следом за вами. Я – это неожиданный сюрприз, козырь, спрятанный у вас в рукаве. Мы должны разыграть его наилучшим образом! Кэсси направилась к дому, чувствуя, как дрожат коленки. Теперь она порой не могла вспомнить лицо Луиджи, порой начисто забывала обо всем, смеялась и наслаждалась весельем, однако в глубине души отлично понимала, почему сторонится людей и не доверяет мужчинам, понимала, что жизнь с легкостью может вновь причинить ей боль.

Войдя в холл, она услышала их голоса, по крайней мере звучный голос матери и ее соблазнительно-волнующий, грудной смех. Может, Луиджи нет в доме? Может, никаких мучительно-жестоких напоминаний о прошлом не будет? Она открыла дверь и тотчас же увидела Луиджи.

С бокалом в руке он сидел у камина, смеясь какой-то реплике матери, и у Кэсси перехватило дыхание. Он ничуть не изменился. Все те же блестящие черные, слегка волнистые волосы. Те же темные живые глаза. При виде Кэсси его улыбка на мгновение погасла, затем он встал и обратил внимание своих собеседников на то, что их дочь приехала домой.

– Кассандра, ты все же сумела вырваться! И так скоро! Наверняка это было очень не просто. Как замечательно, что ты так спешила увидеться с нами!

Мать шагнула навстречу, глядя на дочь блестящими, но в то же время настороженными зелеными глазами и старательно игнорируя Луиджи Роза-то, который не сводил глаз с Кэсси. И тут в игру вступил козырь. На пороге появился Джордан. Он подошел к Кэсси и уверенно обнял ее за талию – все оцепенели от изумления.

– Ты опять забыла в машине свою сумку, дорогая, – весело сказал он, касаясь губами ее волос. – Похоже, у тебя это становится привычкой. Кэсси вздрогнула, но Джордан быстро пришел на выручку: подал ей сумку, а затем привлек к себе, и рядом с ним Кэсси почувствовала себя маленькой и хрупкой. Господи, он обнимает ее за талию – вот ужас-то! Она всегда испытывала неловкость в его присутствии, а сейчас ей и вовсе казалось, будто она угодила в ловушку. Ни один мужчина не обнимал ее и вообще не прикасался к ней уже так давно, что Кэсси буквально перестала дышать, думая только о том, чтобы он поскорее отпустил ее.

– Джордан! Джордан Рис! – удивленно воскликнула ее мать. – Вы приехали с Кассандрой?

Было очевидно, что она не верит своим глазам, но не менее очевидно было и другое: она знакома с ним. Кэсси невольно напряглась, и Джордан крепче прижал ее к себе, предостерегая от опрометчивых шагов. – По правде говоря, я бы потребовал объяснений, если б она приехала с кем-нибудь другим, – беззаботно сказал Джордан. – Мне почему-то не очень нравится, когда на горизонте у Кэсси маячит какая-либо персона мужского пола, не считая, конечно, моего отца, который в ней души не чает. – Он легким, как бы привычным жестом повернул Кэсси к себе. – Милая моя глупышка, они что же, действительно ничего не знают? Ты даже не потрудилась написать родителям, что мы помолвлены? – В его голосе звучала насмешливая нежность, но глаза, которые видела только Кэсси, смотрели с холодным спокойствием и предостережением.

– Я... я была ужасно занята... – пробормотала Кэсси, щеки у нее горели нежным румянцем.

Лавиния Престон молчала, долго молчала. На памяти Кэсси такое случилось с нею впервые; и, повернувшись к матери, Кэсси увидела на ее лице очень странное выражение, смысл которого никак не могла разгадать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.